

М. М. ПРИШВИН

О В. В. Розанове (Из «Дневника»)

1908 (?) [Петербург]

9 декабря [У Ремизова]. Манасеина¹, видно, славная и умная женщина и так любит свое дело. Я заметил в ней искреннее увлечение литературой, в частности, как это приятно, моей книгой². Она сказала очень метко, что моя книга и русская, и в то же время общекультурная. Я рассказал о своем впечатлении от Мережковских: они «личники», за пять шагов от них веет холодом, но в то же время чистотой. Правда: чистоту в человеке дает только развитие личности, быт нечист, если не считать «страны непуганных птиц». Но такой страны может быть вовсе и нет? На последнем рел<игиозно>-фил<ософском> собрании Розанов по поводу моей книги высказал такое убеждение о существовании такой страны. Это был замечательный разговор уже потому, что я торжествовал над ним свою победу. И разве это не победа: мальчик, выгнанный им из гимназии³, носивший всю жизнь по этому случаю уязвленное самолюбие, находит своего врага в р<елигиозно>-ф<илософском> собрании, вручает ему свою книгу с ядовитейшей надписью: «Незабываемому учителю и почитаемому писателю» — и выслушивает от него комплименты. Вот победа! А он-то и не подозревает, с кем имеет дело. Разговор, насколько я помню, был такой. В<асилий> В<асильевич>, встретив меня, взял за руку, отвел в сторону и серьезно, очень серьезно — я это заметил — стал восхищаться книгой: «Лопка! — какое чудесное слово, и об охотнике хорошо, и о грехе хорошо, и о детях птицы хорошо... вы интересный человек... а когда я там смотрел в собрании, вы мне казались каким-то статуеобразным...»

— Вы меня считали за тупого человека? — спросил я.

— Нет... плотный вы... а в книге охотник... живой...

Еще он мне говорил там, как все эти лопки и птицы изменились в культуре, сколько мы потеряли...

Страна обетованная, которая есть тоска моей души и спасающая и уничтожающая меня, — я чувствую — живет целиком в Розанове, и другого более близкого мне человека в этом чувстве я не знаю. Недаром он похвалил меня еще в гимназии, когда я удрал в «Америку»...

— Как я завидую вам! — говорил он мне.

К одному и тому же мы припадаем с ним, разные люди разными путями. Отчего это? Что это значит? Когда-нибудь я буду много думать об этом. Но теперь (некогда...—?).

Розанов и Мережковские прельщают меня своей противоположностью: бытовики и личники.

1909

3 февр<аля>. Читал ст<атью> Шестова⁴ (Русск<ая> м<ысль> I) о Толстом: приложение розановских идей...

10 марта. Религ<иозно>-филос<офское> собрание с Тернавцевым. Он абсолютная мерзость: большие красные губы, школьный смех, этот страшный смех откуда-то, инквизитор или черт, грузный... [1 нрзб.] интонация... вертелся, как крест показали... Ангел с закрытыми глазами... Мережковский и другие — интеллигенты и там (черт) Россия, непонятная логика (александрий<ская> византийская), загадочные корни в православии... ясность в Европе... интел<лигенты>-европейцы... Тернавцев не интеллигент... Отвращение Ивана Александровича⁵ к этому народному... лукавству... Розанов подошел. — Хорошо? — Хорошо! А он всурьез: а то собрались книжники! И сам он: рядом с Татьяной, извилина в подбородке, обывательский глазок, смерд и [1 нрзб.] дряблый, и все это дряблое богоборчество и весь он как гнилая струна, и кривой (сбоку) подбородок с рыженькой бородой и похоть к Татьяне... он живет этой похотью... это его сила.

22 ноября. Розанов требует меня к себе...

28 ноября. Состоялось свидание с Розановым. — Пришвин был тихий мальчик, очень красивый... — А я бунтарь?.. — У меня с одним Пришвиным была история. — Это я самый... — Как?!

Встретились два господина, одному 54 года, другому 36, два писателя, один в славе, сходящий, другой робко начинающий. 20 лет тому назад один сидел на кафедре учителя географии. другой стоял возле доски и не хотел отвечать урока...

— Это была [1 нрзб.]. Я не мог иначе поступить: или вы, или я. Я посоветовался с Кедринским, он сказал: напишите докладную записку. Я написал. Вас убрали в 24 часа. Это был единственный случай...

— А с Бекреневым? — хотелось спросить.

Он рассказывает: как плохо ему жилось учителем гимназии. Теперь вот учат, а тогда... Место покупалось у попечителя... Розанов мечтатель, а тут нужно было что-то делать до того определенное... Казалось, что с ума схожу... И сошел бы... Я защищался эгоистично от жизни... В результате меня не любили ни ученики, ни учителя... Потом служил в контроле. Там подойдет начальник: «Ну, вы что тут делаете?..» Несколько примеров, как он выполнял свои обязанности... — Вы женаты? — Да... — А где же кольцо?.. На лопке? На крестьянке? [2 нрзб.] Вы приведите жену...

Мой фантастический полет... Я говорил часа три подряд. Меня слушали, переспрашивали... Когда я сказал о том, сколько потеряло человечество, меняя кочевой образ жизни на оседлый, Розанов сказал: это Ницше, Ницше... Когда я говорил о насекомых, жена Розанова ужасалась и говорила: а как же... Розанов: это надо понимать... — и хитренькая улыбочка... Нет, — говорит жена Розанова, — Василию Васильевичу нельзя уже ехать: 54 года. Василий Васильевич с ружьем у дикарей!

Он дарит мне свою книгу с трогательной надписью. Завет... Если бы дети были здесь... Какое воспитательное значение это имеет... Меня зовут на обед...

Так закончился мой петербургский роман с Розановым... В результате у меня книга его с надписью: «С большим уважением» «на память о Ельце и Петербурге». А когда-то он же сказал: из него все равно ничего не выйдет! И как и сколько времени болела эта фраза в душе... Умер тот человек... Умер и я со всей остротой болей... Поправляюсь, выздоравливаю, путь виднее, все уравновешеннее... Но почему же жаль этих безумных болей... Выздоровливаешь и тупеешь...

Мне всегда казалось: я не такой, как все, я рожден для чего-то особенного и вместе с тем: роковым образом я не сделаю того, что указано мне судьбой... в этом виноват кто-то искони... учителя? Буржуазия?.. Потом: кто-то искажил природу, совершил грех...

Теперь я думаю: очень возможно, что я что-нибудь сделаю не как все, что я для этого рожден... Но что же из этого?

Жизнь перелилась в какой-то другой план...

19 янв<аря>. Собрание Религ<иозно>-ф<илософского> общества для исключения Розанова⁶. Когда-то Розанов исключил меня из гимназии, а теперь я должен его исключать. Не хватило кворума для обсуждения вопроса, но бойцы рвались в бой: всеобщее негодование по поводу этой затеи Мережковского. Сутолока, бестолочь, какой-то армянин в решительную минуту добивается слова, чтобы сказать: «В Р<елигиозно>-ф<илософском> обществе аплодисменты не допускаются». Кто-то просит изменить «параграф». Гиппиус же [1 нрзб.] и щурится, изображая кошечку. Карташов взводит очи горе. Мережковский негодует. Вяч. Иванов настроился на скандал. Чулков говорит об антиномии. Стахович⁷ спрашивает, что такое антиномия. Старухи-теософки, курсистки, профессора, литераторы [1 нрзб.] возражает баптист, попы, восточный человек, увесистые хайки и честнейшие ученые жида. Теряю всякую способность наблюдать, думать, разбираться, сбегать услышанное, хаос. Вот и все, что вышло из общественной затеи Мережковского. Лет пять тому назад взял я себе напрокат «Светлого иностранца»⁸ и теперь возвращаю: не то.

Киевская черешня и ветхозаветная смоковница. Всем известно, что Мережковский влюблен в Розанова, и сам Розанов пишет в «Уединенном»: «За что он (Мережковский) меня любит?» А вот теперь Мережковский хочет исключить Розанова из Р<елигиозно>-ф<илософского> общества. Возмущение всеобщее, никто ничего не понимает, как такая дерзкая мысль могла прийти в голову: исключить основателя Р<елигиозно>-ф<илософского> о<бщества>, выгнать Розанова из единственного уголка русской общественной жизни, в котором видно действительно человеческое лицо, ударить, так сказать, прямо по лицу. И мало ли еще чем возмущались: говорили, что это вообще не по-русски как-то — исключать и многое другое. Какая-то девственная целина русской общественности была затронута этим постановлением совета, и люди самых различных партий, толков и между ними настоящие непримиримые враги Розанова — все были возмущены. Словом, произошло полное расстройство общественных основ этого маленького петербургского муравейника, где время от времени собираются чрезвычайно разнообразные люди высших интеллигентных профессий. И замечательно, что все эти [1 неразб.] расстройства общественного во имя самой общественности.

Я очень хорошо понимаю Мережковского и лиц его окружения в совете. Понимаю мучительное состояние верующего или страстно желающего верить и в то же время проповедовать в

обществе воистину мертвых (и мертвые восстанут, но когда!). Мережковский пытался уже испробовать организацию секций, в которых могли бы собираться более активные люди, подбирая молодежь, но эти секции [2 нрзб.] говорили о Боге, а действия все равно никакого не было, почему? оставляю вопрос для будущего. Но вот настал подходящий случай — дело Бейлиса: вот где, казалось бы, можно высказать [2 нрзб.]. Ожидали, что общество [2 нрзб.], будет закрыто, но демонстрации не вышло, до смешного жалкий вечер, где Ветхий завет перепутался с делом Киева, какая-то смесь винегрета из киевской черешни и ветхозаветной смоковницы. А в это самое время Розанов и писал свои наиболее возмущающие общество статьи. Конечно, виноват во всем Розанов, с ним работать нельзя, нужно отделаться. Совет ценою своего собственного существования поставил вопрос об исключении: если Розанова не исключат, Совет уйдет.

— Розанов тогда может быть здесь первый человек! — сказал Мережковский.

А в это время как раз кто-то крикнул:

— Это у вас от лукавого!

[1 нрзб.] да, но не совсем, я вполне понимаю Мережковского, его душевное состояние и сломанные стулья. Возмущаются просто фактом исключения, но это не просто исключение, это должно быть созидание чего-то похожего на секту. Ведь Мережковский этим отсекает любимейшее существо, Розанова, который сам удивлялся: «За что он меня любит!» Розанов для Мережковского не просто облик Розанова, а «всемирно-гениальный писатель», какой-то предтеча Антихриста, земля, пан и мало ли, мало ли что. Он всего этого нечистого он теперь отсекается, а члены Религиозно-философск<ого> общества возмущаются чисто по-обывательски. Мережковский вообще совершенно не способен быть в жизни, он не человек быта, плоти и крови. Я никогда не забуду одного его спора с социал-демократическим рабочим. В ответ на поставленный ему вопрос о необходимости в человеке сознания своего собственного бессмертия рабочий говорил:

— Накормите меня.

Тогда Мережковский, возмущенный грубостью ответа, вдруг неистово закричал

— Пададь, пададь!

Это было, конечно, чисто философская «пададь», то есть то, что падает, умирает, а рабочий принял за настоящую, ругательскую, и пошло, и пошло.

Вот то же происходит и теперь в Рел<игиозно>-фил<ософском> обществе, и все [1 нрзб.] общество поступит по законам

обычной этики «падали» и не поймет и не пойдет за Мережковским. Но не будем сильно обвинять обывателей, потому что ясно, в этом призыве Совета не хватает одного тоже необходимого звена человечества, которое мы назвали бы мудростью.

10 февраля. С Розановым сближает меня страх перед кошмаром идейной пустоты (мозговое крушение) и благодарность природе, спасающей от нее.

Есть такое положение идейного истощения, когда вдруг окажется, что вокруг нет идеи, а деревянная подстройка для дома, и что всю жизнь трудился не для дома, а для подстроек. Вот тогда охватывает чувство страха за все; кажется, я весь не такой, как все, и в прошлом где-то я осужден, шевелится прошлое, как болото черное, вздымается пучина, трясется, и вот сейчас полетят вниз в пучину деревянные подстройки. И падают подстройки ненужные, и падает с ними гордый строитель. Зато открываются двери дома и начинается «жизнь».

Бывает, остается подпертая «жизнью» мечта о прежнем строительстве: женатый поэт. Бывает (чаще) полное погружение в «жизнь» (Пушкина забили, что Пушкин! Гриша). И бывает, когда человек проклинает все гордое, идейное и эту «жизнь» благословляет как святую. Вероятно, это состояние высшей гордости и приводит к Антихристу, как у Розанова. Библия для него просто маска.

Поэзия Библии, поэзия семьи, а не самая Библия, не самая семья. Так оно и есть: семья Розанова — надрыв, семья — коллекция грехов.

Но есть действительно какой-то еще больший грех в интеллигентском [1 нрзб.], то есть умственном, грех самоубийства, и вот если взять самоубийцу и Розанова... (это два полюса, одинаково ужасные для среднего человека), то и начинается великий спор. Вот откуда и надо анализировать Розанова: ничего среднего — или убью себя, или принимаю все.

Розанова ненавидят интеллигенты, как люди здоровые, массовые.

Значит, чтобы понять это состояние «антихристово», нужно понять самоубийцу: как одно переходит в другое. В обществе крушение революции — вехи. Психологически: Розанов с книгой «О понимании» и «Уединенное». Фауст и Маргарита.

«*Маргарита Розанова*». Каждый раз, когда я вижу в ресторане этого нервного господина с лицом сокрушенного гения, с ушами без мочек и с ним эту женщину-гору, красную немку, и слышу его тайный насмешливо над собой голос «живу с немкой», мне вспоминается Розанов и его Маргарита — библейская женщина с

огромными чреслами. Розанов, сокрушивший себя над книгой о понимании — ...Фауст, библейская женщина его Маргарита... А вот Розанов без мечты, голый Розанов, голая Маргарита.

Розанов — слабость, превзойденная хитростью: всех обманул, себя, жену, детей.

1915

Апрель. Каждый даровитый писатель окружен слоем какой-то, ему только присущей атмосферы — обаятельной лжи. И можно себе представить «честного» человека, который ненавидит эту ложь: таков И. Н. Игнатов⁹, по существу своему враг искусства, но ставший критиком, таких много честных критиков. Горький, Чуковский, Ремизов, Розанов, Сологуб — все это чрезвычайно обаятельные и глубоко «лживые» люди (не в суд или осуждение, а по природе таланта). *Так что правда бездарна, а ложь всегда талантлива.*

Меня занимает сейчас «ложь» Горького. Например, Розанов — тот сознает необходимость этой лжи, стоит на ней, и его называют циником. А Горький не сознает, верит в свою ложь, и его признают за святого. Положим, святые, как и поэты, существа тоже лживые, действуют тоже обманом. Сумма всего этого обмана называется религией и искусством. Сумма той бездарной правды — наукой. Но знание опять-таки талантливо, хотя и не лживо, знание есть вечный памятник войны между талантливой ложью (мистика) и бездарной правдой (рационализм). Много ли нужно дарованья, чтобы стоять на $2 \times 2 = 4$, и сколько дарованья нужно, чтобы представить людям 2×2 как 5. Типы $2 \times 2 = 4$: Голованов¹⁰, Игнатов, «Русские ведомости», Венгеров и проч<ие> (мосты, немецкие военные операции, учебники, «общественность»). Типы $2 \times 2 = 5$: Кукарин, Розанов.

Умрите и будете *знать*.

1919. [Елец]

22 мая. В судьбе моей как человека и как литератора большую роль сыграл учитель елецкой гимназии и гениальный писатель В. В. Розанов. Ныне он скончался в Троице-Серг<иевой> лавре, и творения его, как и вся последующая литература, погребены под камнями революции и будут лежать, пока не пробьет час освобождения.

Я встретился с ним в первом классе елецкой гимназии как с учителем географии¹¹. Этот рыжий человек с красным лицом,

с гнилыми черными зубами сидит на кафедре и, ровно дрожа ногой, колышет подмостки и саму кафедру. Он явно больной видом своим, несправедливый, возбуждает в учениках младших классов отвращение, но от старших классов, от восьмиклассников, где учится, между прочим, будущий крупный писатель и общественный деятель С. Н. Булгаков, доходят слухи о необыкновенной учености и даровитости Розанова, и эти слухи умиряют наше детское отвращение к физическому Розанову.

Мое первое соприкосновение с ним было в 1886 г. Я, как многие гимназисты того времени, пытался убежать от латыни в «Азию». На лодке по р<еке> Сосне я удирал и, конечно, имел судьбу всех убегающих: знаменитый в то время становой — удалой истребитель конокрадов Р. Крупкин ловит меня верст за 30 от Ельца. Насмешкам гимназистов нет конца: поехали в Азию, вернулись в гимназию. Всех этих балбесов, издевающихся над мечтой, помню, сразу унял Розанов: он заявил и учителям и ученикам, что побег этот не простая глупость, напротив, показывает признаки особой высшей жизни в душе мальчика. Я сохранил навсегда благодарность к Розанову за его смелую, по тому времени необыкновенную защиту. Но тот же самый Розанов изгнал меня за мальчишескую дерзость из 4 класса, оставляет в душе моей след, который изгладился только после того, как много лет спустя я нашел себе удовлетворение в путешествиях и занялся литературой. Мы встречаемся с Розановым уже в 1908 г<о-ду> как члены С<анкт>-П<етербургского> религ<иозно>-фил<ософского> общества. Розанов, уже седой и благообразный старик, кается мне в своих грехах с молодежью, сознается, что был тогда в тяжелых личных условиях, и если бы не нашел себе выхода в столицу, то кончил бы плохо в Ельце. Русский Ницше, как называют Розанова, был глубочайший индивидуалист, самовольник, величайший враг того среднеарифметического общественного деятеля. Он позволял себе все средства, чтобы отстоять свою индивидуальность, как в жизни, так и в литературе. Во всей русской и, может быть, мировой литературе нет такого писателя, который мог бы так обнажаться. Исповедь Руссо — ничто. В Рел<игиозно>-фил<ософском> обществе Розанов выступал со своим страшным вопросом к Богу нашей эры — ко Христу. На пути критики христианства он встречается с другим замечательным писателем нашего времени, Д. С. Мережковским, этим светлым иностранцем, проповедующим реформацию и христианское возрождение. Немногие писатели и поэты остаются не затронутыми вопросами, поднятыми в Р<елигиозно>-ф<илософском> обществе, — это Куприн, Бунин, Андреев и некоторые второсте-

пенные. Что же касается Горького, то он, будучи в это время в Италии, все-таки присутствует здесь: о Горьком читают рефераты, о том, как он, тоже индивидуалист, поклоняется «народушке».

13 октября. Сегодня я назначен учителем географии в ту самую гимназию, из которой бежал я мальчиком в Америку и потом был исключен учителем географии (ныне покойным) В. В. Розановым.

1920

26 декабря. Снилось, что я будто у св<ященника> Алексея Петровича Устьянского¹² и мы с ним решаем, что у него на даче это лето будут гостить Лев Толстой и Розанов. С этим поручением приглашения я являюсь к Розанову. Вас<илий> Вас<ильевич> сидит за столом и с необыкновенно гаденьким видом показывает кому-то порнографическую картинку, уснащая глубокомысленным замечанием религиозного содержания. Меня встречает неприязненно, я объясняю ему о даче, но забываю фамилию Устьянского. — Что же это такое? — изумляется он. — Да я, — говорю, — и единицу за это в гимназии получал, что вдруг самое главное и очень мне известное забуду.

И в эту минуту сам себя вижу: лоб очень большой у меня, бугроватый, лоснится и не помнит ничего.

Розанов однажды высказал, не помню только где, в частной ли беседе, переданной потом Гершензону, или же в газете, куда он вливал чуть ли почти что не свои ночные горшки, — что славянофильство есть самое вкусное блюдо в России, и Гершензон, как еврей, сумел этим воспользоваться. Гершензон этого не мог Розанову простить никогда¹³.

1922

14 апреля. У Гершензона. Он рассказывал, что Розанов незадолго до смерти сказал ему: «С великим обманщиком Христом я теперь совершенно покончил». Еще говорил Гершензон, что основное в натуре Розанова было — трусость и что понимать его слова про Обманщика нужно так: «Покончил, а может быть, и все неправда» — и тут же перекрестился. И что вся гениальность Розанова в этом, верно, и заключается, в этом «может быть».

21 декабря. Есть еще, как я считаю, гениальный и остроумнейший писатель, за которого я хочу заступиться: он мог писать и о рукоблудии и подробно описывать свои отношения к женщине, к жене, не пропуская малейшего извива похоти, выходя на улицу вполне голым — он мог!

И вот этот-то писатель, бывший моим учителем в гимназии, В. В. Розанов (больше, чем автор *Капитала*) научил, вдохнул в меня священное благоговение к тайнам человеческого рода.

Человек, отдавший всю свою плоть на посмешище толпе, сам себя публично распявший, прошел через всю свою мучительную жизнь святостью пола, неприкосновенно — такой человек мог о всем говорить.

1924. [Талдом]

12 сентября. Розанов запел свою песнь о евреях в тот момент, когда о своем народе сказал «подлый народ», боюсь, что и я к тому же приду...

В. Розанов. Апокал<ипсис> 26, № 6–7, ст. 85: «...среди “свинства” русских есть, правда, одно дорогое качество — интимность, задушевность. Евреи — тоже. И вот этою чертою они ужасно связываются с русскими. Только русский есть пьяный задушевный человек, а еврей есть трезвый задушевный человек».

Вот гениально, и трогает до слез своей правдивостью!

22 сентября. До чего хорошо написал Ремизов о Розанове во 2-м №-е «Окна» и тоже Гиппиус в 3-м «Окне»¹⁴. Вот старики! у нас тут и не веет даже...

1925

25 окт<ября>. Я работаю, ориентируюсь на современного читателя, почти исключительно в интересах своего матер<иального> существования (впрочем, почти не считаясь с этим), я ориентируюсь на то, что останется от меня на будущее, и сужу свое дело лишь долготой существования. Значит, это все равно как я был бы родоначальник и думал о продолжении своего рода.

Вот не помню, что именно Мейерша¹⁵ — эта торговка, ставшая женой диакона от Мережковщины, — сказала о Николаю, монаху, о своих надеждах, возлагаемых ею на детей. Но меня тогда поразили слова монаха в том смысле, что дети — только продолжение нашего горького опыта жизни. И возмутило! и я увидел в существовании о. Николая Опоцкого отталкивающий

от себя труп (синева подкожная и темнота, запах монаха — не плохой, но... как от сырой стены). Вот из этой правды чувств возник и у Розанова весь его бунт. И сила Розанова в этой близости к нам всем, кто, проводив одну весну, с радостью ожидает другую и знает, что никогда одна весна не бывает такой, как другая, и что переживание жизни мной и моим сыном, т<о> е<сть> в двух лицах, а не в одном моем, т<о> е<сть>, положим, тот же один аршин, разделенный между мной и сыном пополам, даст в сумме не прежний аршин, а, напр<имер>, 1 ар<шин> 1/4 верш<ка>. В этой 1/4 вершка, ускользящей от учета христианского разума и потому являемой ему, как зло, как черт, вся наша радость земная, тот хвостик животного, постоянным движением которого сопровождается жизнь. Не духовная жизнь, не плотская, а просто жизнь — драгоценнейший поток (старуха 80 л<ет> дорожит жизнью: имела опыт! а юноша не дорожит — кто прав?).

29 окт<ября>. Розанов — гениальный и дал, вероятно, единственные в мире мысли о вопросах пола, но прием, которым он выделил вопросы пола и поставил их в фокус исключительного внимания, конечно же, парадокс. Совершенно так же, как выделил он как священное начало жизни человека — половой акт, можно выделить и пищеварительный процесс с его конечным выделением священного навоза, удобряющего землю для растений и прекраснейших цветов, и так же, как о браке, можно написать и о желудке.

1926

6 мая. Общаясь с декадентами, я всегда испытывал к ним в глубине души враждебное отталкивание, доходившее до отвращения, хотя сам себя считал за это каким-то несовершенным человеком, низшего круга. Но Ремизов понимал меня лучше, чем я сам себя, и, кажется, очень любил. Розанов, по-моему, не был тем хитрецом, о котором пишет Горький, он был «простой» русский человек, всегда искренний и потому всегда разный. И потому он был в нашем кругу, с Ремизовым, а на другой совершенно против<оположной> стороне были Гиппиус, Блок и другие.

14 октября. Вот я думаю, догадываюсь, что и Розанов, защищаясь от мертвого света угасших светил (лунный свет), избрал себе быт Авраама как оружие живой жизни против мертвых образов лунного света.

1 января. Розанов всю жизнь и занимался этим, чтобы втянуть Христа в дело повседневной жизни.

9 февраля. Из больших писателей, мне кажется, Ремизов глубоко любил и признавал только Розанова, он был тайным врагом Мережковского, Гиппиус, Блока. Признавал еще Белого в его «бешенстве». Ремизов не своими писаниями, а своей личностью сделался единственным моим другом в литературе, хранителем во мне земной простоты.

16 марта. Был у дочери Розанова, Татьяны Васильевны ¹⁶. «Хорошо, — говорит, — что вы любите природу, значит, человека не любите, нельзя его любить». Совсем розановская манера, и лицом и натурой совсем Розанов. Она говорила, что Василий Васильевич приходил иногда со службы расстроенный, чем-нибудь его обидели, и он дома плакал, ложился в кровать и плакал, как ребенок. И она тоже мучится службой и тоже, наверно, плачет от нее.

22 марта. Вчера пришла Т. В. Розанова в семь вечера и была до 1 часа ночи. Я таких людей еще не встречал, в ней было мне то, чего я ожидаю себе найти в работе над детским рассказом. Это желанный человек, в свете лучей от которого насквозь все мои люди. Почему-то мне прежде всего пришла на память Дуничка ¹⁷, о которой с детства слышу: «святая». И что же? эта «святая» теперь на подножном корму у большевиков, которых ненавидит. И какой надрыв вся ее жизнь: все эти тридцать лет учебы в деревенской школе ведь совершенно то же, что годы заключения В. Фигнер. Очень похожи. Ужасно, что ведь это лучшее революции!

Что особенно поразительно — это одни и те же переживания от «Лунных людей» Розанова вплоть до пренебрежения газетами: «Я весь Шанхай и весь Китай и Англию — все узнаю не по радио, а по копеечке на булке: копейка прибавилась, копейка убавилась».

Очень некрасива, невзрачна, но так оживленна, так игрива в мысли, что становится лучше красивой. В этом общении, чисто духовном, есть особенная сладость какая-то, и стало сильнее, что может сравниться лишь с самой игрой, мартовской любовью. Вероятно, это сила религиозно-преображенного эроса. Но Ефросинья Павловна ¹⁸ ее не ревновала (как всех) ко мне, и к этому не ревнуют.

Татьяна Васильевна рассказывала, что когда ее позвали в ГПУ для допроса и там помучили ее глупыми вопросами до

того, что когда она зачем-то вышла из комнаты, она легла на диван и уснула. Это ее и спасло: гепеусты образумились и выпустили. И, кажется, это они же способствовали ее устройству на службу в музей. «Вам, — говорили, — там хорошо будет с монахами».

Еще рассказы ее о какой-то «боли», которая началась у нее после чтения «Людей лунного света», кстати, простудилась и думала, что боль от простуды. Пошла к докторам, ей сделали операцию, боль не перестала. Потом она стала мучительно работать над преодолением «Лунных людей», и когда преодолела, боль прошла.

Таким образом, у этой девушки и у меня лучшие силы ушли на преодоление боли, причиненной одним и тем же (впоследствии любимым) человеком, ее отцом и моим учителем. В психофизическом мире ее «православие» вполне соответствует моей «природе»: то и другое для спасения себя самого, но не для учительства (ни Боже мой!). Однако и мне, и, вероятно, ей эта найденная самость представляется не индивидуальным достоянием, а общим, назовем это «Христос и Природа»: очень возможно, что в моей природе есть тайный руководитель Христос, а в ее Христе — природа. Для меня самое главное кажется в том, что оба мы свое мученичество преодолели и стали мучениками веселыми.

25 марта. Тат<ьяна> Вас<ильевна> сказала об отце: он был неверующий, да, в этом все: не верил.

27 утро месяца марта. Кажется, Розанов неправ, принимая, что православие презирает плоть. Напротив, оно старается сделаться хозяином плоти; может быть, и все православие можно рассматривать как методу овладения своей плотью.

К обеду пришла Т<атьяна> В<асильевна>, а я читал ей «Курымушку»¹⁹. Под конец пришла Григорьева²⁰ и помешала. Т<атьяна> В<асильевна> сказала, что Розанов и должен был меня исключить. Она забыла, что худ<ожественное> произведение, трагедия, в которой все люди должны делать так, как они делают. Но в действительности ведь было вовсе не так: Розанов был виноват.

29 марта. Т<атьяна> В<асильевна> Розанова горячей душой, с огромным интересом в течение 4-х часов чтения слушала повести мои о Курымушке. Но она слушала по человечеству (или сказать: религиозно), повторяя иногда: «Господи, до чего же у нас с вами похоже!» А когда доходило до природы, напр<имер>, это место «Гусек», столь прославленное всеми ценителями моих

писаний, — по-моему, она просто не слушала, наверно, во всяком случае, не все принимала. Это замечательно подтверждает понимание православ<ной> души Розановым. Но, по-моему, он и сам едва ли не подходил к природе — сказать: супранатурально. Впрочем, очень возможно, что ошибаюсь. Во всяком случае, понимание природы, о котором я говорю, есть чувство самого тела, сказать так: телом сливаюсь с природой и это описываю. А то можно описывать или догадку, или отражение в голове.

31 марта. Розанова вернула «Кашееву цепь», и было очень неприлично это: все-таки несомненно это жест, иначе она сама бы занесла книгу, жест очень тонкий вышел. В общем, мира с покойным Вас<илием> Вас<ильевичем> не происходит.

Мне принесли большой портрет Розанова, сделанный с маленькой карточки, которая висела под большим портретом Курьмушки. Портрет мне так понравился, что я переменял решение подарить его Т<атьяне> В<асильевне>, поставил его на полочку, а маленький снял с гвоздя для Т<атьяны> В<асильевны>. Через несколько часов в комнате у меня все переменялось: пока Розанов был маленький и висел под большим портретом мальчика, он возбуждал во мне любовь, жалость и чувство большого светлого примирения. Но когда портрет стал большим, я стал испытывать, встречаясь с ним глазами, все более и более неприятное чувство, как будто я опять вернулся в тот гимназический класс, из которого меня выгнали. Сегодня утром я снял портрет большой, повесил маленький, и стало хорошо. А большой портрет сегодня же направлю к Татьяне Васильевне.

1 апреля. Были у Тат<ьяны> Вас<ильевны> Розановой. Рассказывала о конце В<асилия> В<асильевича>. Он оставался, оказывается, до конца при своем, что христианство создало революцию. Письма за 4 дня до смерти.

3 апреля. Т<атьяна> В<асильевна> — портрет Розанова. Ее лицо так просто, что на улице не заметишь. Она истощена и жизнью, и постом своим. И вот при всей своей невзрачности, при невозможности думать о ней как о женщине, она вносит в мою душу атмосферу какого-то тончайшего сладострастия — что это? понять еще не могу. Она так утонченна, так умна душой, что все мои лучшие и интересные люди вспоминаются как примитивные, даже Дуничка и Форш²¹.

В тот раз она сказала: Розанов был неверующий, он верил в себя, в свое открытие. Сегодня, напротив, говорила, что именно он был верующий, потому что ему [1 нрзб.] близок был Христос, и он кончил тем, что два раза причастился (странно, однако,

почему она об этом говорила не горячо, а как бы вопросительно: что это значит?).

Перед самым концом Розанов что-то увидел, и ему это большое надо было скорее сообщить Флоренскому, послал Таню: беги, беги скорей. Но Флоренский почему-то не пошел.

Она еще говорила мне, что я слишком верю в людей, что в людей нельзя верить. Да, это очень верно, что я держусь верой в людей и что в Бога начинают, должно быть, по-настоящему верить, когда теряют последнее зерно веры в человека... Ефрос<инью> Павловну, естественного человека, это возмутило, она смешалась и поколебалась.

Розанов страдал детской верой в людей, он потому и обнажался, что как бы хотел сбросить с себя на народе все и найти себе людской путь.

Но это же и верно! это светлый героический путь. А неверие в человека есть несчастье, есть болезнь роковая... Люди, ну а дети? Вот, вероятно, тут-то, в этом месте, и поймал старец Марью Моревну и опутал ее Кашеевой цепью, непременно ему надо разбить все ее связи, чтобы безраздельно одному пасти ее душу. В этом духовном союзе есть больше сладострастья, чем в плотском: тут оно тоньше, слаще, длительней. А если нет сладострастия, то власть сама по себе дает удовлетворение. (При первом знакомстве: — Вы природу любите, это хорошо, значит, не любите человека.)

Т<атьяна> В<асильевна> сказала: — Нас соединяет не христианство, а чуткость и сложность переживания: сколько вы накрутили себе...

13 апреля. Искусство — продолжение жизни, а жизнь играет богами, как куклами. Почему и явился такой Розанов: ему в жизни во всем было отказано, и когда явился наконец талант, он был ему все: и богатство, и вечная юность — все было ему в таланте. Тогда он проклял черного бога, мешающего жить, и объявил религию человеческих зародышей, религию святого семени.

14 апреля. Меня продолжает волновать Татьяна Васильевна, и все происходит во мне совершенно так же, как бывает у влюбленных. А между тем Татьяна Васильевна столь непривлекательная как женщина, что даже Ефросиния Павловна не ревнует. Она объясняет мой интерес к ней пережитым с В. В. Розановым. Но мне кажется, не совсем это верно. Я думаю, что моя страсть влюбленности была от одиночества, от жажды встретиться с понимающим другом.

Убегая от жизни, которая ей непереносима, она запостила себя до умора. Ее жизнь продолжается только в расчете на смерть. Своим бытием она доказывает «темный лик» христианства, открытый ее отцом.

21 апреля. В Петербурге среди писателей было трое совершенно «русских»: Розанов, Ремизов и Пришвин, к этим же я могу присоединить Т. В. Розанову, но Щеголева, напр<имер>, нельзя — почему? он не меньше «русский», но не то. Вот почему: как все на свете имеет оборотную сторону и лицевую, так и человек имеет лицо и кишки, и лицо считается лицом и кишки кишками, а честь им разная, — у Розанова все пошло на лицо, у Щеголева от лица отнимется сколько-то на кишки. Вот в этом русская жизнь, ее все рыцарство: чтобы отстоять это во всем до конца: в кишки должно идти из земли, но не от лица. У Розанова, сотрудника «Нового времени», писателя с органическим пороком, лицо оставалось до того чистым, что он до старости краснел, если приходилось соврать. Другие делали лица по-европейски (честные кадеты), по-народнически, но это цельное, честное европейское лицо имело глубокую червоточину...

2 мая. Великий богоборец Розанов. Его семья воистину, как в греч<еской> трагедии, несет небесную кару за спор отца с богами (муки Тантала).

Спасение по всему смыслу трагедии должно явиться в последний момент борьбы, человек всю свою жизнь положит и за то, что он положил ее, — спасется. Так, если церковь Христова есть путь спасения, то это не значит, что она освобождает его от борьбы, напротив, она включает его только в трагический круг, поселяет в нем трагическое сознание. Вот почему и Толстой и Розанов, не посещая церковной службы, не причащаясь, — больше христиане, чем другие, это истинные современные подвижники христианства, и в особенности Розанов, который только умирая разрешил себе причаститься.

15 мая. Вчера была Т. В. Розанова. Боюсь, что она со временем станет совершенной ханжой. В среду мы пойдем с ней в четыре д<ня> искать могилу Розанова.

18 мая. Мы ходили на могилу Розанова: мы с Е<фросиньей> П<авловной>, Тарасиха²² и Таня.

План могил

Могилы В. В. Розанова на кладбище Черниговского скита в расстоянии 21 метр 85 сант<иметров> по бетонной дорожке от

крайнего приступка паперти церкви Черниговской Богоматери; под прямым углом от этой точки на запад, как раз против третьего окна четвертого корпуса, в трех метрах находится центр могилы Конст. Леонтьева, и по той же линии к третьему окну в расстоянии от половины до одного аршина находятся три могилы семьи Розановых, левая, по всей вероятности, В. В. Розанова.

Чугунный памятник К. Леонтьева опрокинут, центральная часть его с надписью выбита. Очертаний могилы Розанова на земле почти не было заметно.

Корпуса Черниговского скита населены преступниками и проститутками (исправительный дом имени Каляева). Тане Розановой одно время предлагали должность «ухаживать за проститутками». Такая злая ирония: Розанов писал так любовно о «священных проститутках» у дверей храма и вот лежит теперь прямо у храма, в котором не служат, окруженный обыкновенными проститутками, и дочери его предлагают за ними «ухаживать».

Тарасиха положила два красных яйца на могилу Конст. Леонтьева, тогда среди окружавших нас преступников было заметно движение броситься на них.

Тарасиха, конечно, черносотенка, а теперь стоит за совет, за большевиков, ненавидит жидов, кадетов, Керенского. Сама при большевиках отлично живет. Через нее отлично, прямо насквозь понятно, почему черносотенцы были сразу поглощены большевиками и отлично устроились жить в кишках революции. Розанов звал Тарасиху «бабой Ягой». Это понятно: она груба, форсирует мадам сан жен *, а он любил внутренних, извне стыдливых людей. Розанов был сам нежный, тихий человек с таким сильным чувством трагического, что не понимал даже шуток, сатиры и т. п. Розанов мог быть, однако, очень злым. Тарасиха деревенская баба и знает всех писателей, Толстого близко даже.

25 мая. Розанов, конечно, страшный разрушитель, но его разрушение истории, вернее разложение, столь глубоко, что ближайший сосед его на том же пути неминуемо должен уже начать созидание. Ведь борьба с Христом сводится в конце концов к борьбе с историческим уклоном людей, с изменой их вечной трагедии: человек, представленный в образе Христа. Отняв у людей исторического Христа, Розанов предоставляет рост человека естественным силам (полов), которые вырастают тоже трагически

* от франц. madame sans gкne — бесцеремонная женщина.

(то есть в Христе). Вот почему сосед Розанова неминуемо должен начать созидание.

Вот и Розанов пленяет меня изначальной силой, это титан, который в настоящее время вызвал на бой богов.

28 мая. По словам Т<атьяны> В<асильевны>, у Розанова в натуре вообще отсутствовала «категория игры» (загубленное детство! а ведь у нее тоже игра отсутствует, у нее почему?). Итак, формула: натуральный человек, homo sapiens, — игра = человек (трагическая натура). Христос тоже не играл (загубленное детство: был у Христа-младенца сад) и тоже обращался к детям: будьте как дети. Надо больше думать об этом: очень возможно, что в этом и заключается происхождение трагического.

1928

6 сентября. Общее Мережк<овского>, Розанова, Блока, Разумника, Ремизова и, я думаю, всех, всех: искание пути к «народу» (славянофильство).

7 сентября. «Старец» (о. Ал<ександр> Устьинский) — с ним неразлучно связан трактир Капернаум. Устьинский был учителем Розанова (он вмещает идеи Розанова: ведь Розанов из Устьинского, из разложения православия).

1929

29 марта. Вот где-то тут, в чувстве рода, свершающего свой суд надо мной, надо искать Розанова. Я знаю это в себе: страх и ужас от борьбы крови моей матери с отравленной кровью отца: «Тут ничего не поделаешь». Есть какой-то Христос, для которого необязателен род и быт. Не все ли равно, подлинный он или только извращенный церковью: это реальная сила, которая может последнего в роду, над которым уже занесен меч рока, поставить на высокую ступень самоутверждения в духе и огромного влияния на людей. Но в моем состоянии тогда было так, что «Ина»²³ как женщина недоступна, и я весь тут в своей самости уничтоженный, раздавленный — скажи мне тут о Христе! Я хочу женщину, а не Христа!

Почему Розанов до того страстно боролся с этим Христом, что похож на легендарного богоборца, полубога?..

Уединенное.

Конечно, глупости, что все началось в нем от затруднений в разводе. Все началось от чувства предельной самости: ее, этой родовой земли, в себе только-только, чтобы самому прокормиться, удержаться, не сойти с ума; необходима жестокая экономия, защита, война; все внимание, весь дух бойца, устремленный в обладание, через это накал в себе белый. И вот Голубой соблазняет все бросить. Так происходит знаменитый розановский + и —: родовое с плюсом, противуродовое с минусом, отражение земли, пола. А что глазу видно? Победоносцев бесполой, но почему-то сильный, Мережковский — «говорящие штаны», «Зинка» Гиппиус, женщина-поэт, физически неспособная рожать, бесчисленная бюрократия, паразитирующая на мужиках...

Розанов добрался и до «сладчайшего Иисуса», который является нам в творчестве, и увидел там, что «Сладчайший» (радость творчества) обретается за счет того же пола, что весь «эрос» находится внутри пола и христианская культура — это культура, по существу, эротическая, но направленная против самого рождения человека, она как бы паразитирует на поле, собирает лучи его и защищается духами от пота и вони.

Вот и добрался в Розанове до того, чем и сам живу.

10 октября. Моя «поэзия» происходит вся из врожденного религиозного чувства, которое при дурном уходе за ним со стороны семьи, школы и церкви обрушилось на собственные силы и это, в свою очередь, привело к необходимости «самоутверждения». Розанов и «невеста» были полюсами моей боли земной.

1930

25 октября. Думаю о Ницше. Вот человек, взявший на себя бремя двух тысячелетий: такую задачу взял на себя этот человек, чтобы все, постепенно пережитое человечеством, накопить в себе лично, как одно чувство.

«Немцы» для него значит идеализм или обман.

Психологически я примыкаю к Ницше в двух точках:

1) Помню в юности, как я устанавливал ценность только личного («немцы» — это даром через традицию).

2) «Помоги, Господи, ничего не забыть и ничего не простить»: эта молитва относится к тому, что люди устанавливают свой оптимизм («немецкий идеализм») на забвении отцов, трагедии и т. п.

3) Ненавижу своих прозелитов.

Розанов, вникнув в меня, сказал: «Это от Ницше». Конечно, я не знал Ницше, но я был Ницше до Ницше, как были христианине до Христа. Сам же Розанов есть Ницше до Ницше. (Это значит, бросив все, начать это же лично, все взять на проверку с предпосылкой «да» вместо «нет», как нигилисты.)

Итак, Ницше — это переоценить все на себе, оторвать человека от традиции и вернуть его к первоисточнику.

Мережковский сказал, что Ницше под конец в своем Дионисе узнал Христа.

Следовательно, и Ницше и Розанов отрицают Христа исторического, церковного.

А что же сам Христос?

У Достоевского Великий Инквизитор иронически защищал традицию против «самого» Христа.

Да, все сводится к тому, существует ли творческое начало (бог) вне меня или же это из меня только.

Вот еще: в состоянии Заратустры в сверхчеловеческом и есть именно то, в чем и Ницше и Розанов обвиняют Христа: «да» за счет отрицания рода.

1935

1 января. Бывает, жизнь как бы вскипает, и вот тут в личном сознании является решимость что-то сбросить с себя такое, из-за чего между людьми и бывает весь спор: самую жизнь готов бываешь отдать. Тут вот и рождается герой, и этому героическому действию, преодолевающему всеобщее родовое стремление жить, и посвящено учение Христа. Но бывает иному человеку надобно жить как всякой твари, и жизнь эта его очень далека еще до точки вскипания, а от него со стороны требуют подвига. Он не может... и он будет отстаивать обыкновенную жизнь и против героического подвига будет стоять, как против чумы и всякого рода смертельной опасности. Так история борьбы Розанова с Христом мало чем отличается от маленькой истории рядового солдата с Керенским. «Зачем, — сказал он, — я пойду в наступление, если за это мне впереди будет только могила?» Так что если нет внутреннего согласия на героический подвиг и он ему навязывается, то, конечно, «жизнь» надо отстаивать, и эта жизнь паршивенького человечешки в ее голой животности перевесит из-за своей правдивости пустой раздутый баллон героического подвига и победит.

14 сентября. У Розанова жена поглощает мужа, у Толстого муж убивает жену. Таковы границы мировой катастрофы. А я

хочу направить силу творчества на рождающую женщину (то же, что овладеть машиной и сделать ее «Машкой»), сделать, чтобы рождающая женщина стала Мадонной, чтобы зачатие было «беспорочным», «непорочным», а человек рождался во плоти. А ведь так же оно и есть у Христа (а сделала порочным церковь).

3 октября. Была Т. Розанова, и с ней разговор на эту тему: как охранить себя от «глупцов», и необходимо ли для этого создать личину и что если остаться без личины, то надобно юродство, но юродство церковью допускалось неохотно, и правильно: с ним легко попасть на путь своеволия демонизма (хороший пример сам Розанов).

1937

3 мая. Читаю с великой пользой розановские «Опавшие листья». Розанов в одном месте говорит, что встреча его (возле Введения) с семьей его жены (Бутягиной) открыла ему мир благородных людей, что он впервые понял порядочность и возможность счастья. Надо это понимать для всех: каждый, входя в семью своей будущей жены, впервые лично встречается вообще с семьей (до сих пор, как несовершеннолетний, он не мог понимать и ценить семьи, в которой родился).

Розанов дивится и не понимает после всех неприятностей «любви» Мережковского к себе и отмечает, что, однако, сотрудничать с Розановым (Варвариным) в «Русском слове» Мережковский отказался²⁴. В этом случае Розанов — русский кустарь и обыватель, а Мережковский — европеец, воспитанный человек в том лучшем образе, каком мы представляем себе иностранца.

6 мая. Под влиянием Розанова («Опавшие листья») думаю о линии между его «смирением» и «самодовольством». Несколько успокоил себя своей работой для детей. Но вполне успокоить нельзя, потому что как бы там ни было, но писатель всегда эгоист и отчасти обманщик, потому что личную жизнь свою маскирует общественным служением. (Разобрать.)

9 мая. Прочитал Розанова «Опавшие листья», хорошая книга, и человека жалко, Розанова.

10 мая. А<нна> Д<митриевна> рассказывала, что у нее был один знакомый горбун, духовно преодолевший свой горб, очаровательный человек (В. В. Розанов в «Опавших листьях» — в этом роде: и какой христианин!). Благодаря горбу видна всякая ме-

лочь в людях, все зло, а творческая сила сверх зла приводит к любви, но чисто языческой, к красоте.

21 мая. Борьба с Христом Розанова имеет подпочву хорошей русской некультурности. По существу, Розанов именно и есть христианин, но только хочет подойти к Христу сам и не дается себя подвести.

22 мая. Розановское азиатское лукавство и европейское рыцарство Мережковского (Герцена): об этом можно думать всю жизнь!

Мало ли было такого рыцарства в эсерах, но все оно растаяло, как леденцы, непонятно, чем сейчас может держаться честный человек, прямой. В такой доблести теперь подозреваешь просто глупость (и свою собственную). Честность, прямота, рыцарство — все это качества *типовые*. Розановское я, как solo, должно все это разложить. И как разлагающий фермент, чистое solo, он остается конечно, тогда как выродилась общественность честного типа. Мережковский должен был подлежать разложению вместе со всей общественностью и государством.

В цинизме своем Розанов мог бы идти беспредельно, так как границей такого цинизма могло быть некое состояние общества, в которое он должен был упереться: «дальше идти некуда». Но государство было мягкое, церковь бессильная, общество шло навстречу революции.

Человек достигал «своим способом» того, в чем ему было отказано природой (В. В. Розанов: некрасивое лицо свое заменил красотой слов и т. д.).

3 июня. Мои поиски «простоты» (заработок, природы и все проч.) есть путь «мусорного человека» (Розанов) к правде Христа.

Чтобы приблизиться к Христу, не обязательно все написанное признать пустяками — нет! Но то хорошее, что написано, надо считать как если бы не я написал, а кто-нибудь другой: не я, так другой бы написал, не все ли равно! Мне это было «дано», как и всякому, у кого есть талант.

4 июня. Сильнейшее впечатление от «Опав<ших> лист<ьев>» Розанова, переживание. Вот, оказывается, вот пример, как неверно наше понимание, что к Христу, к церкви можно прийти путем догадки, что ли, додумался и переменил во Христе свою жизнь. Это юность, нигилизм и толстовщина. Жизнью своей

приходят, к этому подводит жизнь и становится ясно. Личная жизнь прежде всего, как вот бывает, как сейчас, и жизнь общества, государства. Бывало, догадываешься, что вот то-то произошло от церкви, и останавливаешься с этим на середине. А теперь нет никакой середины, все среднее сгнило до основания.

7 июня. Розанов восставал и против Христа, и против церкви, и против смерти, но когда зачуял смертное одиночество жизни, то все признал, и Христа и церковь, выговаривая себе только право до конца жизни — право на шалость пера.

11 июня. Розановские «Опавшие листья» интересны лишь потому, что свой интимнейший спор семья, дети и пр<очее> в свете великих проблем... гениальность в этом же и состоит: здесь только раскрыто сердце, а у других: только то и читаемо, где сердце, чья душа: «я». Чтоб «он» стал как «я». «Я» выведенное: т. е. «я» — единство с «он».

17 июня. Смерть есть смерть не тем, что умрешь, кончишься, а что все в мире представится тебе в ином измерении. Вот, напр<имер>, Розанов сколько наговорил против Христа, против монашества, церкви, а пришла смерть — и все это признал. Чуть-чуть это напоминает ту перемену, которая наступает в отношении к детям: казалось, в отрочестве, что любить своих детей невозможно, а когда проходит отрочество, юность и мужчина становится отцом, — какая прелесть свои ребятишки. Иное измерение! Так и в свете смерти все переменяется, и вот эта перемена именно и разлучает с живыми.

29 июня. Да, это нечто новое, до этого я дожил, и «Опавшие листья» Розанова сыграли в этом свою роль, были последним толчком.

30 июля. Розанов — послесловие русск<ой> лит<ературы>, я — бесплатное приложение. И все...

6 Августа. Все, что пишет Шкловский о Розанове ²⁵, есть демонстрация книжности своего еврейского ума. А сам Розанов вырос из русской культуры свободно и радостно, как цветок.

8 августа. И еще одно удивительное единство во мне — Розанов. Он своей личностью объединяет всю мою жизнь, начиная со школьной скамьи: тогда, в гимназии, был он мне козел, теперь в старости герой, излюбленнейший, самый близкий человек.

Шкловский, книжный ум и еврей, изучил Розанова, разложил его неглупо на составные части и стал ему подражать. Умен,

а в этом глуп, не может понять, что такой органический талант, как Розанов, живет, растет, зреет на человеке, как яблоко на дереве.

В литературе русской всегда было так, что тем выше литературное производство, чем автор меньше думал о себе как литераторе и представлял себе, будто он вообще открывает каким-то своим способом Америку. Таким был Розанов всю свою жизнь, и вдруг оказалось в последних трех книгах, что он литератор, поэт божиею милостью. Так было: вопреки всему Розанов оказался литератором. А Шкловский разбирает и доказывает, как хитро строил Розанов свои вещи, и даже указывает Розанову на то, где пришла ему в голову та или другая мысль, например в ватерклозете, Шкловский называет «пейзажем». Умно до глупости, и для чего-то нужно.

9 августа. Читал о Гете и думал о Розанове, что один на пьедестале, а другой без памятника, и место, где зарыт, забывается: нет никакой отметины на месте могилы, и ежедневно там по этому месту люди ходят.

11 октября. Читаю Пушкина, вспоминаю Горького и завидую полноте жизни таких людей, вернее — широте. Близок мне по жизни В. В. Розанов, это и дочь его говорит Тат<ьяна> Вас<ильевна>.

1939

3 мая. Сверхчеловек и Род Розанова — противоположное разрешение вопроса о личности и обществе, данное в Евангелии Христа. Вопрос о личности поставлен для разрешения на тысячи лет, а *Я* короткое и все *Я*, проходящие как туман, сопровождающий *Необходимость* и *Надо* и есть поправка к *Хочется*.

1940

18 августа. Розанов боролся на два фронта, один фронт — ему была безбожная интеллигенция, другой — суеверие церковное.

25 декабря. Вечером читали Блока более двух часов, и ясно предстало люцифер-хлыстовское происхождение этой поэзии. Вспомнилось: в Р<елигиозно>-ф<илософском> собрании Розанов из толпы людей вытащил за рукав Блока и сказал мне: — Вот наш хлыст, и их много, все хлысты.

9 октября. Помню, кажется, Блок мне сказал: «Между тем как пройдешь через все подполье, то почему-то показывается из этого свет...» И Розанов такой, и целая большая среда особых специфически русских людей сознательно тяготеет к подполью, к этому свету гнилушек.

11 ноября. Вчера я Ляле²⁶ на ночь сказал, что смотрел на Распятие и думал о смерти, а когда смотришь на цветок или на ручей, то чувствуешь радость жизни и думаешь о детях, о будущем, о светлом пути человека в его возможностях. «А я с 12 лет думала о Христе как светлом пути в жизни и в беспредельности», — ответила Ляля.

И вероятно, ее чувство Христа вернее моего рассуждения, навеянного, вероятно, Розановым и подобными. Распятие, вероятно, не есть образ смерти, а образ творческого усилия личности, сжигающего плоть свою для прыжка в бессмертие. Распятие есть образ творчества личности, пренебрегающей в этот момент радостью жизни.

29 декабря. Розанов в своих «Людах лунного света» слишком поторопился снабдить минусом пол девственниц. Он того не понял, что этот минус, который характерен для всякой женской особи, на первых порах убегающей от самца, таит в себе будущий плюс. Так что если это принять во внимание, то и религию Христа надо понимать не концом, а началом, не вырождением, а возрождением.

26 февраля. Розанов увлекся своей биографией, это дало живость его писаниям, обеспечивая уверчивость читателя. Но философия его, привязанная к своему личному опыту, несет на себе все последствия такой искусственной связи: нельзя создать новую Библию на лично семейном опыте. Дело в том, что семейная жизнь есть нечто такое, чего осмыслить нельзя, пока из нее не вышел. Вот я то же самое создал из своей семьи, какую-то легенду о великом Пане, охотнике, а может быть, даже и патриархе родовом. А после оказалось все это маскировкой, прикрывающей свою неудачу, свою бедность. Розановская любовь, розановская семья тоже одна из форм таких маскировок.

Вспомнились отношения А. В. Карташова и Татьяны Н. Гиппиус, напоминающие наши отношения с Лялей. Эти отношения,

со стороны глядя, не казались увлекательным примером. И это надо усвоить для себя: ни в коем случае, никогда свой личный мир не ставить в пример. Так что на очередь: истребить в себе все следы влияния на себя Розанова и личный опыт свой не обнажать.

28 февраля. В некоторых вещах моих рассказ от своего лица вполне понятен: назвать *Смертный пробег*, *Жень-шень* и друг<ие>. А в некоторых (*Родники Берендея*, *Домик в Загорске*, *Очерки с фотографиями*) это «я» становится какой-то не очень приличной выходкой.

Это бывает по причине подмены целого «я» как личности частным своим «я» в его бытовой ограниченности. Эта подмена происходит неспроста, тут можно найти элементы паденья духа, удовлетворяемого ползанием вместо полета. Впрочем, у меня это является результатом дурного литературного воспитания и подражания Розанову. А у самого Розанова... Впрочем, я, совершая подмену, гляжу на Розанова, а Розанов глядел на К. Леонтьева или на Ницше, подменившего Христа Сверхчеловеком. Важно только, что тут или там совершается подмена целого частью, и это является грехом против целомудрия. Иначе сказать, один кто-нибудь в свою целую бочку меда вливает одну ложечку дегтя. А другой в свою бочку дегтя влил ложечку меда.

1 марта... Действительно ли мои провалы в писании происходят от нескромного самообнажения, выражения словом того, что происходит и должно происходить непременно в молчании. И нет! Понимаю так, что в поэзии все возможно и нет дурных материалов. Провал происходит от подмены поэзии, именно *подмены* и больше ни от чего.

У Розанова замечательно, что он с целомудрием, детством, невинностью играет, как кошка с мышкой. Неправду записал я выше — это я, подражая невольно ему, проваливаюсь, а в том-то и есть Розанов, что он не проваливается. Гениальность его существа в том и состоит, что он попал в какой-то люфт, свободно пристроился между Богом и Дьяволом и свободно, как ребенок, играет то с тем, то с другим.

Обращаюсь к вам лично, В<асилий> В<асильевич>, как бы вы сами лично отозвались на мои догадки:

— Ничего, все правильно — доходишь, только лучше приходи в пользу меня. Я ведь действительно очень мало в жизни получил для себя, ну, скажи, что я получил? И оттого, что ничего

особенного не дано мне, Господь Бог разрешил мне поиграть с тем, о чем люди не только говорить, а и думать не смеют. Я ведь русский человек, живу между Европой и Азией и все жду, когда же я к какому-то делу-назначению буду приведен. А пока что на досуге...

— Главное, чего вам не дано, В<асилий> В<асильевич>, это любви к женщине в смысле дон-жуанского святого мгновенья, как любви одной, раскрывающей в человеке личность. Вы свою неудачу перемогли творчеством, изобразив свою семейную жизнь как роман. Вам это можно было сделать, потому что семья была для вас неважно, а как опыт ваш для творчества, если бы иначе, вы бы не написали о ней и эта жизнь вошла бы в состав вашей личности и осталась бы в ней тайной.

17 марта. Читал Розанова, у которого было взято все, на чем он стоял: его семья, Россия, церковь — все, все это ушло в его книжечки. Вдруг стал понятен загадочный смысл еврея Вальбе²⁷, который назвал еврейскую жадность героизмом и что евреи «спасут Россию». Он этим хотел сказать, что лучшие русские живут только в духе и им не хватает костяка, чувства привязанности к земным вещам.

Узнал от Ляли, что Новоселов²⁸ ушел от Толстого, потому что тот был весь в душевной жизни, но не в духовной. Она и о Розанове говорила, что сам по себе он не мог быть духовным и ему необходим был кусочек материи, по которой он, как по лесенке, достигал духовного мира. (Недаром в одной книге он поместил портрет своей семьи всем обезьянником: этот обезьянник и был той лесенкой, по которой он восходил к своим мыслям о семье.) Все это верно, только Толстой как художник пользовался лесенкой и достигал тоже этим способом состояния духовной жизни. И всякий художник...

Ляля еще говорила, что мой путь будто бы противоположен розановскому.

16 августа. Всякое искусство предполагает у художника наивное, чистое, святое бесстыдство рассказывать, показывать людям другим такую интимно-личную жизнь свою, от которой в былое время даже иконы завешивались. Розанов этот секрет искусства хорошо понял, но он был сам недостаточно чист для такого искусства и творчеством своим не снимает, а, напротив, утверждает тот стыд, при котором люди иконы завешивают.

18 сентября. Есть люди как Горький, как Розанов и, вероятно, в какой-то мере и я — это люди озарений, вспышек в момент

соприкосновения всей своей личности с каким-то родственным материалом. В результате вспышки, похожей на короткое замыкание, личность человека отдает себя материалу и эта глина со вдутой в нее душой получает самостоятельное, независимое от ее творца существование и убеждаемость. Происходит в момент такого озарения нечто вроде деторождения: родиться может такое, чего в обычном состоянии родителя вовсе и нет. Смотришь так на Розанова и особенно на Горького и думаешь, как думали о Мессии: может ли выйти что-либо путное из такого Назарета? А глянешь — и вышло! Так, на что уж досадная фигура Горького, а считаешь некоторые вещи и удивишься: откуда взялось?

Есть такие люди... А я мечтаю всегда о человеке, который всегда *при себе* и расходует себя не вспышками, а ровно всегда и всюду, как горит свеча.

1943

7 августа. Хорошие это люди — и Горький, и Ценский³⁰, и Леонид Андреев, наверное, вначале был тоже неплох, но все это какие-то не вполне серьезные и даже чуть-чуть дурашливые люди. Все их высказывания неглупы, грамотны, но в то же время чувствуешь, что самое главное, что-то истинно *свое* они дурашливо обходят. А настоящие писатели, Гоголь, Достоевский, Пушкин, даже Чехов, даже Лесков, именно за это свое (самое главное) цеплялись. Да и современники Горького — Мережковский, Розанов, Блок — были серьезные люди.

23 октября. Розанов, по признанию его современников, был самым лживым писателем («с органическим пороком», — писал о нем Струве). И как не подумать о лжи, если он об одних и тех же вещах в разных газетах писал противоположные мнения. А между тем это был поэт правды.

15 ноября. Открыл себе, что мой стиль речей в обществе и в писаниях с обращением к хорошему человеку-другу, заправленный во мне речами Репина, писаниями Розанова, принят мною от народа и является исконным русским стилем начиная от протопопа Аввакума. Калинин тоже так говорит, обращаясь к хорошему человеку.

1944

14 января. Англичане всегда удивляют своей откровенностью, о чем ни спроси, о самом интимном, и он всегда охотно ответит.

Это, конечно, прием очень культурных людей, особое искусство говорить о себе и тем самым еще лучше себя самого укрывать. Но бывают среди всех народов мудрецы, которые всерьез охотно вывертывают свою жизнь на рассмотрение всех желающих: для них, впрочем, вся эта жизнь для общего глаза несерьезна. Они открывают себя, хорошо зная, что самое сокровенное свое, как ни раскрывай, не раскроешь, и то при тебе останется, а эта жизнь как у всех — пусть ее и знают все, и на это вообще наплевать. Розанова помню таким, Репина отчасти. В прежние времена в простом народе все сплошь друг другу исповедовались из потребности посмотреть на себя со стороны, проверить жизнь свою в общем взгляде.

13 июня. В моей крови есть неприязнь к учительству, я могу быть самим собой только с людьми равными. Но где они, равные? И вот почему, встречая человека нового, я мгновенно нахожу в себе, в нем такого же, как я, частично отбрасывая из себя все лишнее, и великолепно беседую, как с равным. Эту же эластичность чисто русскую и, может быть, и татарскую (их поговорка: если товарищ твой кривой, старайся поджимать глаз ему под пару) я наблюдал у Розанова, Ремизова, Репина и многих других выдающихся русских людей.

22 июня. Розанов восставал на Христа, как декадент, извращенно. Христос есть начало изменений, а бояться движения может или совсем примитивный человек, или потерявший смысл. Ведь в мире так много покоя, так много молчания, что нечего за это беспокоиться, и если бы даже и победило Слово и род человеческий бы прекратился, то ведь это и слава Тебе, Господи (так и Толстой говорил о прекращении рода).

1947

5 февраля. Мысль известная-переизвестная, ношенная и, казалось, изношенная, а вдруг опять вернется и станет поперек пути, как забор. Так в последние дни стала мне против жизни православная мысль о смерти, все то, с чем Розанов выходил против Христа, а Мережковский возражал ему тем, что стрелы его направлены против церкви, но не против Христа. Я сам был под влиянием Розанова и освободился от этой тяги к «язычеству» только с приходом Л<яли>. Она мне собою показала пример возможности во Христе любить жизнь, а не смерть: эта жизнь — как суровая борьба за любовь.

12 декабря. Вчера достал и увидел в первый раз своими глазами книгу Розанова «О понимании».

14 декабря. Начинаю понимать, что «молитва» Розанова направлена к *живому человеку*, и тем самым священному, начиная с жизни его в утробе матери. Этот живой человек (личность) в нем единственная и незаменимая противопоставляется им всякой схеме, всякому отвлечению, и это у него как бы культ человеческого эмбриона. Или мне что-то передалось от Розанова, или я тоже родился другим «священным эмбрионом», но что-то влечет меня к этому святому мыслителю и порочному человеку (порочен тем, что сказал, о чем нельзя говорить, заглянул, куда нельзя заглядывать).

26 марта. У Ксении Некрасовой³¹, у Тани Розановой, у самого Розанова, наверно и у Хлебникова и у многих таких, души не на месте сидят, как у всяких людей, а сорваны с места и парят в красоте; а то бывают души, установленные в добре, — скучные души, а то как у Ляли душа, как осиновый листик сидит на черенке добра и трепещет: эта душа и знает, что сорвется и упадет, как все, но значения этому не придает, сознавая в себе душу бессмертную (оттого и трепещет листик).

28 марта. Читал на ночь письма Блока Розанову³². И в ночь в полусне мне было видно, что Блок, конечно, и безошибочно, пусть вопреки даже всей своей физической природе, шел с большевиками (интеллигенцией, с «белым венчиком из роз»), а Розанов шел с народом. В этих двух лицах, Розанове и Блоке, раскрывается распад интеллекта и народности. В этом распаде и продолжается наша жизнь до сих пор: в каких-то судорожно насильственных попытках большевиков заместить свое интеллигентское (да!) nihil народностью. В этом свете насквозь виден и я сам, как писатель, усердно замещающий свой nihil народностью начиная с книги «В краю непуганых птиц».

